

УДК 94(47).04

DOI 10.26456/vthistory/2026.1.230

Рецензия на монографию А.А. Казакова «Иосиф Волоцкий: от агиографического повествования к научной биографии». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. – 292 с.

А.Е. Тарасов

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва, Россия

В статье представлена рецензия на монографию А.А. Казакова «Иосиф Волоцкий: от агиографического повествования к научной биографии», в которой изучение жизненного пути преподобного Иосифа в контексте культурно-исторических особенностей эго эпохи. Монография представляет исследование, главными источниками которого является совокупность житийных текстов, посвящённых преподобному Иосифу. Автор делает попытку увидеть за агиографическим повествованием исторические реалии, в том числе пересмотреть некоторые устоявшиеся стереотипы, связанные с восприятием исторического Иосифа Волоцкого.

Ключевые слова: *Иосиф Волоцкий, Иосифо-Волоколамский монастырь, агиография, жития, «жидовствующие», архиепископ Серапион Новгородский, архиепископ Геннадий Новгородский, великий князь Василий III.*

В основу монографии научного сотрудника Центра истории религии и церкви ИРИ РАН Александра Александровича Казакова положена его существенно переработанная кандидатская диссертация, защищенная в 2019 г. на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 07.00.09 («Историография, источниковедение и методы исторического исследования»). Автор монографии указывает во Введении, что основное направление предпринятого им исследования – «исключительно историческое, попытка понять некоторые важные моменты деятельности

Иосифа Волоцкого в контексте его сложной и противоречивой эпохи» (с. 18). Главными источниками исследования, представленного в монографии, стали агиографические тексты, посвящённые преподобному Иосифу. Автор подчёркивает, что эти тексты давно и хорошо известны науке, при этом справедливо замечает, что ряд проблем, связанных с их происхождением, не решён, как и не преодолена зависимость современной историографии от некоторых устаревших схем, избранных прежними поколениями исследователей для анализа содержания житийной литерату-

ры (с. 7). А.А. Казаков предлагает исследовательский ракурс, в котором отказывается (или почти отказывается) от изучения особенностей монашеской аскетики Иосифа Волоцкого, а также – «политической идеологии» преподобного. Дистанцирование от анализа политических убеждений Иосифа представляется уместным, поскольку агиографические тексты видятся крайне ненадёжным источником их изучения. Однако иноческая практика – это суть монашества. Тем важнее она, когда речь идёт об основателе монастыря, несомненно, обладающего определёнными воззрениями на устройство создаваемой им обители. Проблема монашеской практики преподобного, его учеников и последователей приобретает ещё более глубокое значение, если учесть ту роль, которую сыграл Иосифо-Волоколамский монастырь в истории Русской церкви XVI в., став одним из её крупнейших интеллектуальных центров, кузницей архиерейских кадров на протяжении нескольких десятилетий. Вряд ли можно сомневаться, что такое значение Волоколамской обители было обусловлено личностью и деятельностью её основателя. Соответственно, сознательный отказ от исследования его аскетической практики, понятный в связи необходимостью поиска новых подходов к анализу источников и существенным расширением самой источниковой базы, к сожалению, несколько обедняет общую картину выводов.

Монография содержит шесть глав. Первая глава «Егоже предати забытию не мняшеса праведно»: про-

исхождение житий Иосифа Волоцкого» (с. 19–72) посвящена изучению появления ключевых агиографических памятников, посвящённых преподобному. Это Житие Иосифа, написанное его учеником Саввой Чёрным, Надгробное слово Иосифу, составленное его племянником Досифеем Топорковым, и анонимное Житие Иосифа, автором которого предположительно был сербский агиограф Аникита Лев Филолог. А.А. Казаков тонко подмечает особенности создания памятников житийного характера, рассматривая их возникновение в контексте почитания Иосифа Волоцкого. Вывод, к которому приходит автор, достаточно интересен: созданные к середине XVI в. агиобиографии преподобного «едва ли могут рассматриваться как этапы становления его культа на пути к канонизации» (с. 72), общецерковно установленной в 1591 г. Одной из главных причин слабого распространения почитания Иосифа, которое ограничивалось в XVI в. в основном кругом волоцких постриженников, А.А. Казаков видит его конфликт с архиепископом Новгородским Серапионом. Суждение о влиянии «дела Серапиона» на посмертную память об Иосифе за пределами круга его учеников представляется убедительным. Однако в появлении сразу нескольких посвящённых преподобному агиографических текстов, близких ко времени его смерти, трудно не видеть претензии на прославление, даже если создание этих текстов обуславливалась в первую очередь «умственным и литературным движением» (определение В.О. Ключевского), характерным для иосифлянкой среды. От-

мечу, что важнейшей составляющей канонизации в эпоху Средневековья, при всей её неформализованности является наличие службы угоднику. Служба Иосифу Волоцкому была составлена не позднее 1530-х годов и одобрена митрополитом Макарием.

Содержание второй глава монографии – «Бежати от мира и в святыи иночьскый облещися образ»: на пути к основанию Волоцкого монастыря» (с. 73–124) шире заявлено в её названии, поскольку касается некоторых биографий почитателей преподобного, уходящих далеко в XVI в. В этой главе А.А. Казаков исследует в основном ранний этап жизни Иосифа Волоцкого, в т.ч. касается истории тверского Саввина монастыря, в котором преподобный подвизался в начале своего иноческого пути. Интересно предположение А.А. Казакова, что появление на Руси особого канонического сборника, получившего условное наименование «Тверские правила», связано не с Саввой Вишерским, как считает М.В. Корогодина, а его младшими современниками, старцами из Твери, один из которых был тезкой Саввы.

Третья глава монографии «Наказанием и писанием»: Иосиф Волоцкий против “жидовская мудрствующих»» (с. 125–174) посвящена одной из самых известных страниц биографии преподобного – борьбе с «новгородско-московской ересью». А.А. Казаков предполагает, что Иосиф Волоцкий мог быть среди авторитетных книжников, к которым в 1489 г. обратился архиепископ Новгородский Геннадий (Гонзов) с оповещением об обнаружении в Новгороде ереси, но при этом приходит к

выводу: Иосиф с высокой вероятностью не присоединился к антиеретической компании и не участвовал в московском соборе на еретиков 1490 г., вступив в борьбу с ними не ранее 1493 г. Это вывод развивает и подкрепляет наблюдения некоторых исследователей XIX–XX вв. (с. 157). Интересны суждения автора о восприятии «жидовствующих» не только как еретиков, но отступников в широком смысле, что и обусловило, «вероятно, не без влияния Иосифа Волоцкого» (с. 171) суровость их наказания на завершающем этапе борьбы с ересью. Такой взгляд на восприятие рядом современников ереси созвучен современной историографии.

В четвёртой главе монографии «“Не от радости сиа творим, но слезами от великиа нужа”: распря Иосифа Волоцкого с новгородским архиепископом Серапионом» (с. 175–215) исследуются обстоятельства перехода Волоколамского монастыря под патронат великого князя без ведома и благословения новгородского архиерея. Представляется удачным избранный автором подход, в котором он отказывается от попыток понять суть, события и итоги распри через упрощённый социологический ракурс. Убедителен вывод А.А. Казакова: «Сам конфликт был спровоцирован и развивался благодаря целому комплексу причин, среди которых едва ли можно выделить главные и второстепенные» (с. 214). Такой вывод, разумеется, не означает, что главная причина непременно отсутствовала, но состояние источ-

ников на данном этапе не позволяет делать однозначные выводы.

Пятая глава монографии «“Укרותи таковой мятеж”: Иосиф Волоцкий между Москвой и Дмитровом» (с. 217–227) – самая маленькая по объёму и посвящена, казалось бы, не самому значительному эпизоду жизни преподобного, а именно участию в примирении великого князя Василия III и его брата, удельного князя Юрия Дмитровского. Между тем этот эпизод, как и предыдущие, выходит за рамки биографии самого Иосифа. Как показывает А.А. Казаков, непосредственная роль волоколамского игумена в примирении враждующих сторон была невелика, вероятно, гораздо больше примирению способствовал насельник Иосифо-Волоколамского монастыря старец Кассиан Босой. В то же время Житие Иосифа Волоцкого, составленное Саввой Чёрным, является единственным известным источником, прямо свидетельствующем о конфликте братьев. Таким образом, исследовательский фокус, смещаясь с личности Иосифа, сосредотачивается на его ближайшем окружении, а также – обстоятельствах взаимоотношений в московской княжеской семье. Это важно и для понимания общей обстановки внутри княжеской семьи, и роли насельников Иосифо-Волоколамского монастыря в политической жизни страны, и общей культуры взаимоотношения представителей церкви и светской власти.

Шестая глава монографии – «“Предасть им Даниила игуменом”»: игуменское преемство в Иосифо-Волоцком монастыре (середина

1510-х гг.)» (с. 231–252). В этой главе исследуются обстоятельства появления в обители следующего игумена, преемника преподобного основателя, которым стал Даниил Рязанец, будущий митрополит всея Руси. А.А. Казаков приходит к выводу, что фигура Даниила как нового игумена была компромиссной между интересами монастырских старцев и великого князя, патрона обители, а его проставление совершилось незадолго до кончины Иосифа, «уже после того, как основатель и первый игумен обители принял великую схиму» (с. 252).

В Заключении к монографии автор подводит итоги исследования. Он отмечает, что проделанная работа не претендует на полное исчерпание темы, непротиворечивость и даже наличие «какой бы то ни было логической завершенности» (с. 256), но при этом раскрывает глубокие возможности изучаемых текстов для создания объективной биографии Иосифа Волоцкого. Этот вывод вполне соотносится с отмеченной А.А. Казаковым в авторском предисловии (раздел монографии «От автора») мозаичностью предлагаемого на суд читателя исследования (с. 7). Действительно, в монографии не рассматривались совсем или затрагивались вскользь многие важные составляющие биографии Иосифа Волоцкого. Помимо уже указанных аскетической практики и политических воззрений, это и его богословские представления, и роль в отстаивании монастырского землевладения на соборе 1503 г., и споры с «нестяжателями» в последние годы жизни. Впрочем, эта особенность подхода

А.А. Казакова к материалу не является недостатком монографии.

Пожалуй, единственное серьезное замечание, которое может быть предъявлено к монографии, это недостаточная, на мой взгляд, проработка возможных агиографических топосов и библейских реминисценций в житийных памятниках, посвященных Иосифу Волоцкому. А.А. Казаков весьма точно отмечает, что разделение исторических фактов и этикетных мест является «едва ли не магистральным при работе с агиобиографиями» (с. 10), и предлагает способы, как этого можно добиться. Однако использование альтернативных житиям источников далеко не всегда возможно. Кроме того, топосы или «общие места» представляют не только набор *готовых сюжетов*, используемых агиографом в качестве книжного «конструктора» при создании жития святого. Топосы могут проявляться в подборе различных смысловых единиц: мотивов, образцов, теологем¹. Отмеченное А.А. Казаковым «практически полное отсутствие “общих мест”» в житиях Иосифа Волоцкого (с. 256), скорее, может быть обращено к отдельным готовым сюжетам, но не совокупности многих смысловых единиц и библейских аллюзий, выявление которых в исследуемых текстах могло бы и обогатить общую картину выводов, и в известной мере скорректировать их.

Указанное замечание не умаляет значения рецензируемой монографии. Написанное А.А. Казаковым исследование представляет несомненный интерес и содержит значимые итоги, которые расширяют наши знания и о самом преподобном Иосифе Волоцком, и об эпохе, в которую он жил.

¹ Арнаутова Ю.Е. *Imitatio Christi*: теологема и литературная модель в бенедиктинской агиографии // *Одиссей: человек в истории*. 2014: *Imitatio Christi* в религиозной культуре Средневековья и раннего Нового времени. 2015. Вып. 25. С. 104–105.

Об авторе:

ТАРАСОВ Аркадий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России до начала XIX века, исторический факультет, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4); e-mail: arckady.tarasov@yandex.ru

Review of A.A. Kazakov's monograph «Joseph Volotsky: from Hagiographical Narrative to Intellectual Biography». – Moscow, St. Petersburg: Centre of humanitarian initiatives, 2022. – 292 p.

A.E. Tarasov

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russia*

The article presents a review of A.A. Kazakov's monograph «Joseph Volotsky: from Hagiographical Narrative to Intellectual Biography», in which the life of St. Joseph is studied within the cultural and historical context of his era. The monograph presents a study whose primary sources are a collection of hagiographic texts dedicated to St. Joseph. The author attempts to discern historical realities behind the hagiographic narrative, including reexamining some established stereotypes associated with the perception of the historical Joseph of Volotsk.

Keywords: *Joseph Volotsky, Joseph-Volokolamsk Monastery, hagiography, «Judaizers», Archbishop Serapion of Novgorod, Archbishop Genady of Novgorod, Grand Duke Vasily III.*

About the author:

TARASOV Arkadiy Evgenievich – the Candidate of History, Associate Professor, Department of the History of Russia before the Beginning of the 19th Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (119192, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, 27, Bldg. 4); e-mail: arckady.tarasov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.11.2025 г.

Подписана в печать 21.04.2026 г.